А.Ю. МЯГКОВ

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОУБИЙСТВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Введение

Анализируя природу самоубийств, современные исследователи акцентируют свое внимание преимущественно на изучении социально-структурных и экономических аспектов проблемы. «Самодеструктивное поведение, – отмечает М. Ярош, – определяется прежде всего особенностями тех социальных групп, к которым принадлежат жертвы суицида, типом их социального окружения и спецификой общества, в котором они живут. <…> Самоубийство – это феномен, глубоко укорененный в социальной структуре общества» [1, p. 427, 434]. Поэтому не случайно, что исследовательские интересы социологов сегодня все больше концентрируются вокруг осмысления таких вопросов, как социально-демографические (гендерные, возрастные, профессиональные и пр.) характеристики суицидентов [2; 3; 4], детерминирующая роль экономических кризисов, материального неравенства, бедности и безработицы [5; 6; 7], суицидогенное влияние семейных [8], этнокультурных [9; 10] и религиозных факторов [11; 12] и др. Изучению этих проблем, по нашим оценкам, посвящено большинство социологических публикаций в данной области, вышедших за последние годы как в нашей стране, так и за рубежом. Между тем темпоральные характеристики самоубийств часто остаются за пределами специального эмпирического анализа, а потому исследованы в значительно меньшей степени.

Данная ситуация вполне объяснима с учетом явного доминирования макросоциологической традиции в современной суицидологии, но вряд ли продуктивна как с феноменологической точки зрения, так и с позиций системного подхода к анализу и объяснению суицидов. Изучение цикличности самоубийств и установление эмпирических закономерностей в этой сфере могло бы способствовать более глубокому пониманию природы и источников суицидального поведения.

Обзор предшествующих исследований

В коллективных представлениях разных народов самоубийства часто ассоциируются с определенными временными характеристиками, такими как время суток, день недели, время года, лунные фазы и т.п. [13]. В силу глубокой укорененности в обыденном сознании некоторые из этих воззрений стали предметом специального обсуждения в социальных науках.

Впервые временные вариации в совершении самоубийств были зафиксированы в работе Х. Морселли [14]. Проанализировав огромный массив статистических данных по 28 европейским странам конца XIX в., он пришел к выводу, что сезонные колебания в ежегодном распределении суицидов просматриваются настолько отчетливо, что их невозможно объяснить лишь случайностями, связанными исключительно с человеческой волей. Он утверждал также, что страны с теплым климатом в наибольшей степени благоприятствуют самоубийствам, верхний пик которых приходится на летние месяцы, а нижний – на зимний период. Из этих наблюдений Морселли заключил, что температура оказывает прямое влияние на склонность к самоубийствам: жара с ее механическим воздействием на церебральные функции делает людей более подверженными суицидам (см.: [13, p. 194]).

Э. Дюркгейм отверг утверждения о том, что климатические условия играют первостепенную роль в генезисе суицидального поведения. В ходе статистического анализа он обнаружил, что наиболее часто самоубийства случаются в дневные часы, а самым суицидальным временем года является весна. Но происходит это не вследствие жары, а в силу наибольшей интенсивности социальной жизни в эти периоды. На совершаемость самоубийств, считал Дюркгейм, влияют не темпоральные или климатические факторы, а их социальные последствия – интенсификация и уплотнение социальной деятельности людей [15].

Сезонную периодичность в суицидальном поведении наблюдал и П.А. Сорокин. «…Само число самоубийств, – писал он, – правильно подни-

мается и падает по временам года. Всего больше их летом, затем следует весна, за весной осень, а минимум самоубийств приходится на зиму» [16, с. 109]. Вместе с тем, считал П.А. Сорокин, суицидальная цикличность «вызывается не климатом, а чисто общественными причинами» – «более оживленной и продолжительной общественной жизнью» [16, с. 109].

Л. Даблин в своем эмпирическом исследовании обнаружил, что частота самоубийств заметно варьирует в зависимости от времени года. Между тем данная закономерность, устойчиво наблюдавшаяся в северном полушарии, не получила столь же отчетливого выражения в южном [17]. Исследование Дж. Эдвардса и Ф. Уайтлока в Австралии показало, что число суицидов увеличивается весной, однако сезонные различия тоже оказались статистически не значимыми [18].

В других работах было обнаружено, что самоубийства наиболее часто случаются в понедельники, а также в полуденные часы [19]; верхнего пика их число достигает в весенне-летний период, в то время как нижний приходится на осенне-зимние месяцы [20]. Г. Мальдонадо и Дж. Краус в своем исследовании, опирающемся на анализ статистики самоубийств, совершенных в Калифорнии с 1925 по 1983 гг., также пришли к выводу, что суицидальная активность существенно зависит от времени суток и дня недели: наименьшее число самоубийств совершается ранним утром (с 4.00 до 8.00); наибольшее – по понедельникам. Причем данная закономерность, по наблюдению исследователей, характерна как для мужчин, так и для женщин практически во всех возрастных группах. Устойчивых сезонных образцов в вариации самоубийств авторы не обнаружили: в разное время года суициды, по их мнению, совершаются примерно с одинаковой частотой [21].

Кроме того, в ряде исследований были представлены данные, свидетельствующие в пользу гипотезы о том, что космические факторы, и в частности, фазы лунной активности, тоже влияют на человеческое поведение, в том числе и на периодичность самоубийств. Так, А. Либер в своей книге «Влияние Луны:

биологические приливы и человеческие эмоции» (1978 г.) пишет: «Человеческое существо можно рассматривать как микрокосм, состоящий из тех же самых элементов, что и поверхность Земли, и в тех же пропорциях… Я считаю, что гравитационная сила Луны, действуя совместно с другими силами Вселенной, оказывает влияние на воду в человеческом организме в той же мере, как и на океаны нашей планеты. Жизнь, полагаю я, имеет биологические приливы и отливы, управляемые Луной. В периоды новолуний и полнолуний эти приливы самые высокие, а потому влияние Луны на наше поведение наиболее сильное» [22, p. 26]. В более поздней работе А. Либер и К. Шерин обнаружили взаимосвязь между эмоциональными расстройствами и синодическими циклами Земли, Луны и Солнца [23].

Между тем в исследовании Г. Мальдонадо и Дж. Крауса, а также в работе Р. Хассана значимых различий в среднедневных показателях самоубийств для периодов, соответствующих разным фазам лунной активности, не зафиксировано [21; 13, p. 199–200, 202].

С. Кеван, анализируя данные предшествующих исследований, приходит к выводу, что вероятность обнаружения сколь-нибудь отчетливой взаимосвязи между темпоральными и климатическими факторами, с одной стороны, и суицидальным поведением, с другой, крайне невелика. «Человек, – пишет он, – это сложный организм, отвечающий на целую гамму постоянно меняющихся физических, биологических и культурных факторов… Человеческие реакции понять нелегко, а потому нет оснований ожидать скорого разрешения дилеммы относительно социально-экономических и биометеорологических источников самоубийств» [20, p. 376].

На российском материале проблема временных закономерностей суицидального поведения изучена пока еще очень слабо. К тому же результаты исследований, как правило, не совпадают. Так, по сведениям телефонной службы доверия Йошкар-Олы, приводимым Ю.С. Обидиной, самоубийства чаще совершаются в конце зимы–начале весны, а самыми «убийственными часами»

являются утренние (до 12.00) и дневные (с 13.00 до 15.00) [24, с. 89]. По данным исследования, проведенного Г.И. Девятковой в Пермской области, наибольшее число суицидов (56,3%) наблюдается в период с декабря по май, причем верхний пик их приходится на весенние месяцы. Наиболее вероятным днем совершения самоубийств, по сообщению автора, является понедельник [25, с. 11]. В целом же в отечественной литературе работы на эту тему крайне редки и малочисленны, а эмпирического материала для сколь-нибудь серьезных выводов и обобщений явно недостаточно.

Эмпирическая база исследования

Вопросы, связанные с анализом темпоральных вариаций самоубийств, изучались нами в ходе комплексного социологического исследования, посвященного проблемам социальных девиаций в молодежной среде. Исследование проводилось кафедрой социологии ИГЭУ под руководством автора в сентябре 2002 г.–апреле 2003 г. и было частью международного научно-исследовательского проекта «Будущее молодежи России», предпринятого совместно с учеными Швейцарской Академии развития (SAD) и Института социологии РАН.[1]

При изучении суицидального поведения мы опирались на результаты социологического опроса, проведенного нами в сентябре–октябре 2002 г. среди молодежи Ивановской области (*N*=500). Анализ опросных данных позволил оценить масштабы и динамику молодежных самоубийств, исследовать их основные формы и социальные детерминанты.[2]

Для выявления закономерностей, связанных с действием темпоральных факторов и периодичностью самоубийств, мы использовали материалы Ивановской городской станции «Скорой помощи», представляющие собой статистику экстренных вызовов в связи с попытками самоубийств, совершенных в областном центре за последние годы. Всего было выявлено и внесено в компьютерную базу 1437 случаев самоубийств, произошедших в 2000–2002 гг.

и не завершившихся летальным исходом. Все эти данные были систематизированы и обработаны в программно-аналитическом комплексе SPSS.[3]

Более половины всех зарегистрированных в обследованный период суицидальных покушений – 725 (50,5%) – были совершены молодыми людьми в возрасте от 14 до 29 лет, 699 (48,6%) – представителями старших возрастных категорий и 13 (0,9%) – детьми и подростками, не достигшими 14-летнего возраста. Среди лиц, пытавшихся покончить с собой, 726 чел. (50,5%) – мужчины и 711 чел. (49,5%) – женщины. Помимо демографических характеристик суицидентов, в исследовании фиксировались временные параметры самоубийств (сезон, месяц, день недели, время суток и др.), а также алкогольная переменная и способы совершения суицидов.

Результаты и их интерпретация

Время года. Данные медицинской статистики по г. Иваново за три обследованных нами года (2000–2002 гг.) свидетельствуют о существовании явно выраженных сезонных колебаний в распределении самоубийств (табл. 1).

Чаще всего попытки суицидов совершаются летом (29,3%). Затем по нисходящей следуют весна (28%) и осень (23,8%), а минимум самодеструктивных поступков приходится на зимний период (18,9%). Самым суицидальным месяцем года, судя по полученным данным, является июль (10,7%), а наиболее благополучным в этом отношении – февраль (5,8%). По сравнению со среднегодовым показателем число суицидальных покушений в пик лета возрастает на треть: индекс июльской сверхсуицидальности[4] составляет 1,321. Вместе с тем в апреле попытки самоубийства совершаются ненамного реже, чем в июле (всего на 4,5%). В целом же по уровню суицидов весна и лето различаются очень незначительно, а потому есть смысл говорить скорее не о летнем, а о более широком и продолжительном, летне-весеннем пике суицидальной активности. Что же касается осени и зимы, то наблюдаемый здесь спад по сравнению с летними месяцами вполне очевиден: в сентябре–ноябре число покушений на

самоубийство в среднем сокращается на 22,2%, а в декабре–феврале – еще на 25,3%. С другой стороны, зимние показатели суицидальности существенно ниже осенних.

Выявленные тенденции в целом неплохо вписываются в общероссийскую закономерность, характеризующую вариации в распределении завершенных суицидов, ранее обнаруженную Я. Гилинским, и в значительной степени подтверждают правомерность сделанного им вывода о существовании верхнего и нижнего пиков самоубийств, приходящихся, соответственно, на весенне-летний и осенне-зимний периоды [26; 27, с. 457]. Полученные нами результаты хорошо согласуются и с материалами исследований ряда зарубежных социологов по другим странам мира, и в частности, по США [20] и Австралии [13]. Вместе с тем наши данные существенно расходятся с трендами, выявленными в российских региональных исследованиях, согласно которым наибольший удельный вес суицидов наблюдается в декабре–мае с верхним пиком в весенние месяцы [25, с. 11; 24, с. 89].

Между тем обнаруженная нами закономерность несколько смазывается в группе мужчин, где максимум суицидальных попыток (в отличие от женщин) приходится на весенние месяцы. Нарушается она и среди молодых суицидентов. Если в старших возрастных категориях сезонное распределение незавершенных самоубийств в целом воспроизводит общую тенденцию, характерную для всего массива (весна–лето; осень; зима), то в молодежной когорте летний пик суицидальной активности оказывается чуть более выраженным, чем весенний (табл. 2).

Объясняя эту ситуацию, можно предположить, что длительное выключение значительной части молодежи (и в первую очередь учащейся) из системы интенсивных социальных связей, обусловленное этим ослабление межличностных контактов и механизмов социального контроля в месяцы летних каникул и отпусков ведет к усилению образцов девиантного, в том числе и самодеструктивного поведения в этот период.

Декады месяца. Как следует из табл. 1, количество самоубийств в течение месяца монотонно нарастает, достигая максимума в последней десятидневке. Индекс сверхсуицидальности для последних десяти дней месяца по сравнению с первыми составляет 1,159. Следовательно, суицидальная активность в третьей декаде почти на 16% выше, чем в первой.

Данные по молодежной когорте еще более выразительны: соответствующий показатель здесь составляет 22,2% (в старшей возрастной группе – лишь 9,5%). Общая закономерность очень хорошо просматривается и в группе мужчин: уровень самоубийств у них резко возрастает в конце каждого месяца. Прирост числа суицидов во второй декаде по сравнению с первой здесь составляет 20%, в третьей – 35%. Среди суицидентов-женщин подобной периодичности не наблюдается (+9,5% и –1,5% соответственно). Количество суицидальных попыток в этой гендерной группе достигает максимальной отметки к середине месяца.

Выявленная закономерность трудно поддается объяснению на базе того эмпирического материала, который имеется в нашем распоряжении. В этом отношении весьма полезной могла бы стать опытная верификация гипотезы о влиянии фаз лунной активности на временные вариации самоубийств.

Дни недели. Данные, представленные на рис. 1, показывают, что наиболее часто попытки самоубийства случаются в воскресенья (16,8%). В последующие дни недели их число постепенно снижается, достигая минимума в четверги (13,3%), а затем вновь начинает нарастать, демонстрируя весьма ощутимый скачок в воскресные дни.

В целом суицидальная статистика вызовов «Скорой помощи» не подтверждает наличия «эффекта понедельника», обнаруженного Г. Мальдонадо и Дж. Краусом для США [21, p. 182], Р. Хассаном для Австралии [13, p. 196–198], а также Г.И. Девятковой для России [25, с. 11]. С другой стороны, полученные результаты полностью рассогласуются с заключением Я. Гилинского и Г. Румянцевой о том, что воскресные дни в России традиционно являются

наиболее благоприятными с точки зрения суицидальной ситуации [26]. Индекс «воскресной сверхсуицидальности», рассчитанный относительно средненедельного уровня самоубийств, в целом по массиву составляет 1,21. А это значит, что в воскресенья суицидов (а точнее их попыток) в среднем совершается на 21% больше, чем в другие дни недели (табл. 3).

Как видно из табл. 3, общая тенденция не меняется в зависимости от возраста суицидентов: разные возрастные когорты демонстрируют воскресный пик самоубийств, хотя среди молодежи «эффект воскресенья» проявляется сильнее, чем в старших группах (ИВСС составляют, соответственно 1,27 и 1,15). Следовательно, «вклад» молодежной когорты в общую вариацию самоубийств в зависимости от дня недели оказывается самым весомым.

В группе мужчин «воскресная сверхсуицидальность» практически не просматривается (ИВСС – 1,03). Самоубийства здесь чаще совершаются по пятницам (16,4%), в то время как воскресенья – лишь третий по частоте суицидов день недели (14,6%). У женщин, напротив, число самоубийств в воскресные дни увеличивается на 40,6% по сравнению со средненедельным показателем (ИВСС – 1,41), а в пятницы – резко сокращается, составляя лишь 12,5% от общего их числа. Следовательно, «эффект воскресенья», наблюдаемый по выборке в целом, «обеспечивается» прежде всего за счет женских самоубийств.

Наиболее частая случаемость суицидальных попыток в воскресенья становится отчасти объяснимой при сравнении частотности алкогольных суицидов, совершаемых в разные дни недели. Как видно из данных, представленных в табл. 4, их доля в выходные дни значительно выше, чем в рабочие. В субботы за обследованный период в среднем около 52% всех попыток самоубийства были совершены в состоянии алкогольного опьянения, в воскресенья – около 41%, а по четвергам (в дни пониженной суицидальной активности) – лишь не более 33%. При этом среднедневные показатели алкогольных суицидальных попыток, примерно одинаковые для обоих выходных, в эти дни, заметно выше, чем в другие дни недели.

Вместе с тем воскресный всплеск суицидальности нельзя, по-видимому, объяснить только влиянием алкогольного фактора[5]. По крайней мере, результаты расчетов, представленные в табл. 5, подтверждают существование взаимосвязи между этими переменными лишь для женщин. В этой группе пик самоубийств приходится на воскресенья: среднедневный показатель общей суицидальности составляет 0,98. В эти же дни здесь наблюдается и максимум алкогольных суицидов (0,35). У мужчин ситуация иная: суицидальная активность достигает своего пика в пятницы (0,85), а алкогольные суициды чаще случаются в субботние дни (0,43).

Праздники и будни. Анализ статистических данных службы экстренной медицинской помощи «03» г. Иваново показывает, что в праздничные дни интенсивность самоубийств выше, чем в обычные. Общее число суицидальных покушений в городе увеличивается в среднем на 27%, среди молодежи – на 19%, а в старших возрастных когортах – более чем на треть (35%) (табл. 6).

Индекс «праздничной сверхсуицидальности» у мужчин существенно выше, чем у женщин. Если число мужских самоубийств в дни праздников увеличивается почти в 1,5 раза по сравнению с обычными днями, то женских – лишь на 8,2% (табл. 7).

Результаты исследования свидетельствуют также, что количество алкогольных суицидальных актов в праздники возрастает на 60% по сравнению с обычными, непраздничными днями. Особенно заметен этот рост в группе лиц в возрасте от 30 лет и старше (85,2%), хотя и в молодежной когорте он также весьма существенный – 38,7% (табл. 8). При этом, если в будние дни в состоянии алкогольного опьянения совершается 39,8% всех попыток самоубийств, то в праздники – уже 50,0%. Тенденция к резкому учащению суицидов (на 51%) в праздничные дни была зафиксирована и в исследовании Р. Хассана, который также склонен связывать этот факт с ростом числа алкогольных злоупотреблений [13, p. 202].

Время суток. Частота суицидальных попыток варьирует также и в зависимости от времени суток: верхний пик суицидов приходится на вечернее время (20.00–23.00), в утренние же часы (с 6.00 до 8.00) наблюдается явный спад самоубийств. Если с 18.00 до 1.00 ночи (период подъема и пика) совершается до половины всех суицидальных покушений (44,5%), а с 20.00 до 24.00 – более четверти от общего их числа (27,7%), то с 6.00 до 10.00 утра (в нижний пик самоубийств) – лишь около 8%. Проведенные нами расчеты показывают, что утром попытки самоубийства совершаются в среднем в 3 с лишним раза реже, а в период, близкий к полудню, – примерно в 2 раза реже, чем вечером. Судя по данным, представленным на рис. 2, в течение суток наблюдаются три заметных скачка самоубийств. Первый (утренний) происходит в период с 10.00 утра до полудня (13.00) и вероятно отражает общую закономерность, описанную еще Э. Дюркгеймом [15]. Хотя по сравнению с другими временными отрезками этот подъем самый слабый и невыразительный. На его долю приходится лишь 10,5% всех совершаемых суицидов. Второй (дневной) охватывает время с 14.00 до 17.00 (14,7%). Третий (вечерний) – самый сильный и продолжительный – начинается в 18.00 и заканчивается к 23.00 (33,1%). После этого происходит медленный спад самоубийств, однако в первые ночные часы их уровень все еще превышает утренние и дневные показатели.

Если для человеческой популяции в целом, как отмечал Э. Дюркгейм, верхний пик суицидальной активности приходится на полуденные и ранние дневные часы, а для обследованной нами группы суицидентов – на вечер, то для молодежи он, по-видимому, смещается на позднее вечернее и ночное время. Скорее всего это отражает специфику временной структуры жизненной активности молодых людей: уплотнение и интенсификация социальных взаимодействий в молодежной среде ближе к ночи достигают своего максимума.

Заключение. Основные выводы

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать наличие заметных вариаций в интенсивности самоубийств в зависимости от целого ряда временных параметров: времени суток, дня недели, декады, сезона и др. В одних случаях эти вариации более выражены, в других менее отчетливы, однако сам факт их существования достаточно очевиден и вряд ли подлежит сомнению. Вероятность совершения суицидов, как выяснилось в ходе статистического анализа, достигает максимальных значений в вечернее и ранее ночное время, в воскресные и праздничные дни, в последней декаде месяца, а также в весенне-летний период.

Эти выводы в большинстве своем не совпадают с результатами предыдущих российских исследований, что отражает либо региональные особенности суицидальных циклов, либо неизвестные ранее специфические закономерности незавершенных самоубийств, выступавших объектом нашего изучения.

Вместе с тем полученные в исследовании данные наглядно свидетельствуют, что временные вариации в распределении самоубийств опосредованы демографическими переменными. Темпоральные факторы по-разному влияют на разные группы людей, существенно дифференцируя уровни суицидальности у мужчин и женщин, а также у представителей различных возрастных категорий. Пол и возраст, как справедливо отмечается в специальной литературе, – «два важных структурных фактора самоубийств» [28, p. 110].

Выявленные нами систематические образцы колебаний суицидальной активности дают основание заключить, что самодеструктивное поведение имеет свои временные (суточные, недельные и пр.) циклы, и в этом смысле подчиняется определенным закономерностям. Природа этой цикличности в ряде случаев трудно объяснима, но в принципе совершенно ясно, что за темпоральными различиями в частоте совершения самоубийств стоят в первую очередь социальные факторы. Обнаруженные нами эффекты воскресной, праздничной и весенне-летней сверхсуицидальности в значительной степени являются резуль-

татом социального конструирования и социальной регламентации человеческой жизни, а не чисто механическими следствиями ее физической детерминации. Сами недельные, а в известной мере и сезонные циклы, не говоря уже о делении на праздники и будни, есть социальные конструкции и установления, лишь формально совпадающие с естественной периодичностью природного происхождения.

Взаимосвязь между употреблением алкоголя и суицидальной активностью в определенные дни недели также весьма очевидна и указывает на социогенный характер самоубийств. Именно алкогольная переменная «ответственна», на наш взгляд, за резкое увеличение числа суицидов в воскресные и праздничные дни. Однако зафиксированные в ходе исследования гендерные образцы отмеченной взаимосвязи несколько нетрадиционны и не полностью вписываются в привычные представления о суицидальном поведении полов. В воскресенья, как свидетельствуют результаты анализа, женщины «догоняют» мужчин по числу алкогольных самопокушений. Весьма тревожными являются и молодежные паттерны суицидов, совершаемых в нетрезвом состоянии в выходные и праздничные дни. Не исключено, что эти факты в какой-то мере репрезентируют региональную специфику суицидального поведения, однако данный вывод может быть окончательно верифицирован лишь при наличии соответствующих материалов, полученных в других регионах страны.

Вместе с тем в интересующей нас сфере, связанной с проблемой периодичности самоубийств, по-прежнему остается много загадок и нерешенных вопросов, на которые пока еще нет однозначных ответов. Дальнейшие систематические исследования позволят уточнить правомерность сделанных нами выводов и предположений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Координатором проекта со швейцарской стороны выступал доктор социологии Р. Швери, с российской – канд. социол. наук Д.М. Рогозин. Организатором и идейным вдохновителем этой работы был д-р филос. наук, профессор Г.С. Батыгин.

   В реализации ивановской части проекта (раздел «Социальные девиации»), кроме автора статьи участвовали канд. социол. наук Т.В. Подсухина, старшие преподаватели И.В. Журавлева и М.В. Григорьева, преподаватели С.Л. Журавлева и А.Н. Алексеичева.
2. Результаты этих исследований опубликованы в работах: [29; 30].
3. Автор чрезвычайно признателен заместителю главного врача по медицинской части Ивановской городской станции «Скорой помощи» Е.А. Тычковой за возможность доступа к регистрационным материалам, а также старшему преподавателю кафедры социологии ИГЭУ И.В. Журавлевой за работу по созданию компьютерной базы исследования.
4. Индекс сверхсуицидальности рассчитывался как отношение общего числа покушений на самоубийство, совершенных в июле, к среднегодовому показателю суицидов. Идеей построения данного индекса мы обязаны работам А.А. Давыдова [31; 32, с. 131–137].
5. Тесная взаимосвязь между алкогольными злоупотреблениями и суицидальным поведением зафиксирована во многих специальных исследованиях [33–36]. Однако, как показано в работе О.-Й. Скога и С. Элекес, она не носит прямого каузального характера. Влияние алкоголя на совершаемость самоубийств опосредовано рядом факторов и прежде всего степенью социальной аномии и общим уровнем девиантности общества [37, p. 44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jarosz M.* Suicide as an indicator of desintegration of the Polish Society // Polish Sociological Review. 1999. № 3. P. 427–444.
2. Why are suicide rates rising in young men but falling in the elderly? A time-series analysis of trends in England and Wales, 1950–1998 / Gunnel D., Middleton N., Whitley E., Dorling D. et al // Social Science and Medicine. 2003. Vol. 57. № 4. P. 595–611.
3. *Stockard J., O'Brien R.M.* Cohort effects on suicide rates: International variations // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. № 6. P. 854–873.
4. *Stack S.* Suicide among artists // The Journal of Social Psychology. 1997. Vol. 137. № 1. P. 129–130.
5. *Neumayer E.* Are socioeconomic factors valid determinants of suicide? Controlling for national cultures of suicide with fixed-effects estimation // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37. № 3. P. 307–329.
6. *Yang B.* The economy and suicide: A time-series study of the USA // American Journal of Economics and Sociology. 1992. Vol. 51. № 1. P. 87–99.
7. *Blakely T.A., Collings S.C.D., Atkinson J.* Unemployment and suicide: Evidence for a causal association? // Journal of Epidemiology and Community Health. 2003. Vol. 57. № 8. P. 594–601.
8. *Lester D.* Domestic integration and suicide in 21 nations, 1950–1985 // International Journal of Comparative Sociology. 1994. Vol. 35. № 1/2. P. 131–136.
9. *Кондричин С.В.* Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: К вопросу об этногенезе социального поведения // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 98–117.
10. *Stack S.* Suicide: A 15-year review of the sociological literature. Part I: Cultural and economic factors // Suicide and Life–Threatening Behavior. 2000. Vol. 30. № 2. P. 145–162.
11. *Stack S., Wasserman N.* The effect of religion on suicide ideology: An analysis of the networks perspective // Journal of Scientific Study of Religion. 1992. Vol. 31. № 4. P. 457–466.

12. *Ellison Ch.G., Burr J.A., McCall P.L.* Religious homogeneity and metropolian suicide rates // Social Forces. 1997. Vol. 76. № 1. P. 273–299.
13. *Hassan R.* Temporal variations in suicide occurrence in Australia: A Research Note // Australian and New Zealand Journal of Sociology. 1994. Vol. 30. № 2. P. 194–202.
14. *Morselli H.* Suicide: An Essay on Comparative Moral Statistics. N.Y.: D. Appleton and Co., 1882.
15. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. А.Н. Ильинского. СПб.: Союз, 1998.
16. *Сорокин П.А.* Самоубийство как общественное явление // Социол. иссл. 2003. № 2. С. 104–114.
17. *Dublin L.* Suicide. N.Y.: The Ronald Press, 1963.
18. *Edwards J.E., Whitlock F.A.* Suicide and attempted suicide in Brisbane // Medical Journal of Australia. 1968. Vol. 1. № 6. P. 932–938.
19. *Lester D.* Seasonal variations in suicide deaths // British Journal of Psychology. 1971. Vol. 118. № 4. P. 627–628.
20. *Kevan S.* Perspectives on season of suicide: A review // Social Science and Medicine. 1980. Vol. 14. № 3. P. 369–378.
21. *Maldonado G., Kraus J.F.* Variation in suicide occurrence by time of the day, day of the week, month and lunar phase // Suicide and Life–Threatening Behavior. 1991. Vol. 21. № 2. P. 174–188.
22. *Lieber A.L.* The Lunar Effect: Biological Tides and Human Emotions. N.Y.: Anchor Press, 1978.
23. *Lieber A.L. Sherin C.R.* Homicide and the lunar cicles: Towards a theory of lunar influence ou human emotional disturbance // American Journal of Psychiatry. 1992. Vol. 129. № 1. P. 72–84.
24. *Обидина Ю.С.* Проблема суицида в современных научных исследованиях и в реальной жизни // Государственное управление: Центр–регион (проблемы экономики, социологии и права): Матер. Всеросс. школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». Йошкар-Ола, 28–29 июня 2000 г. Вып. 2. Йошкар-Ола: Марийский гос. пед. ин-т., 2000. С. 88–93.

25. *Девяткова Г.И.* Социально-гигиеническая характеристика самоубийств и пути совершенствования суицидологической помощи населению: Автореф. дисс. …канд. мед. наук / Оренбургский гос. мед. ин-т. Оренбург, 1992.
26. *Гилинский Я., Румянцева Г.* Основные тенденции динамики самоубийств в России - http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html#3 - дата считывания 02.02.2003 г.
27. *Гилинский Я.И.* Самоубийство (суицид) // Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 457–458.
28. *Fernquist R.M., Cutright P.* Societal integration and age-standardized suicide rates in 21 developed countries, 1955–1989 // Social Science Research. 1998. Vol. 27. № 2. P. 109–127.
29. *Мягков А.Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л.* Масштабы и формы самоубийств среди молодежи // Материалы исследовательского проекта «Будущее молодежи России» / Под ред. Д.М. Рогозина. М.: ИС РАН, 2003. С. 4–26.
30. *Мягков А.Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л.* Суицидальное поведение молодежи: Масштабы, основные формы и факторы // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 65–81.
31. *Давыдов А.А.* Самоубийства, пол и золотое сечение // Социол. иссл. 1991. № 5. С. 99–102.
32. *Давыдов А.А.* Модульный анализ и конструирование социума. М.: ИС РАН, 1994.
33. *Norström T.* Alcohol and suicide in Scandinavia // British Journal of Addiction. 1988. Vol. 83. № 4. P. 553–559.
34. *Skog O.-J.* Alcohol and suicide – Durkheim revisited // Acta Sociologica. 1991. Vol. 34. № 2. P. 193–206.
35. *Conner K.R., Beautrais A.L., Conwell Y.* Risk factors for suicide and medically serious suicide attempts among alcoholics: Analysis of Canterbury suicide project data // Journal of Studies on Alcohol. 2003. Vol. 64. № 4. P. 551–554.
36. Older alcoholics face greater risk of suicide // Psychiatric Times. 2003. Vol. 20. № 8. P. 26.
37. *Skog O.-J., Elekes Z.* Alcohol and the 1950–90 Hungarian suicide trend – is there a causal connection // Acta Sociologica. 1993. Vol. 36. № 1. P. 33–46.

Таблица 1

Временные вариации незавершенных самоубийств, *%*

Временные интервалы	*%*
Месяцы	
Январь	7,0
Февраль	5,8
Март	9,4
Апрель	10,2
Май	8,4
Июнь	9,3
Июль	10,7
Август	9,3
Сентябрь	8,9
Октябрь	8,6
Ноябрь	6,3
Декабрь	6,1
Декады	
Первая декада	30,9
Вторая декада	33,3
Третья декада	35,8

Таблица 2

Сезонные колебания незавершенных самоубийств в различных гендерных и возрастных группах, %

Время года	Гендерные группы		Возрастные группы		По массиву в целом
	Мужчины	Женщины	11–29 лет	30 лет и старше	
Весна	29,2	26,9	27,0	29,1	28,0
Лето	27,8	30,5	29,5	29,0	29,3
Осень	24,4	23,2	23,8	23,8	23,8
Зима	18,6	19,5	19,7	18,1	18,9

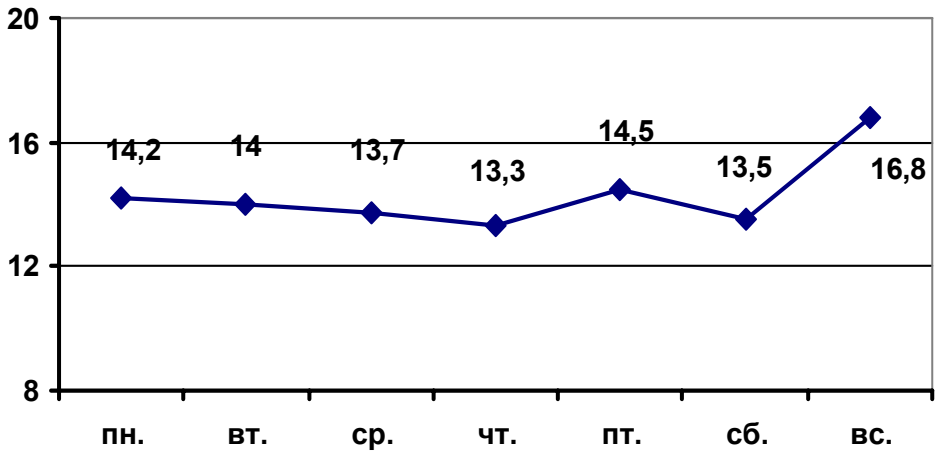

Рис. 1. Недельное распределение незавершенных самоубийств, *%*

Таблица 3

Индексы «воскресной сверхсуицидальности» (ИВСС) для различных дней недели в разных возрастных и гендерных группах, *коэффициенты*

Демографические группы	Дни недели						
	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Средний показатель
Пол:							
Мужчины	1,03	0,97	1,05	1,22	0,89	1,05	1,03
Женщины	1,34	1,47	1,41	1,29	1,52	1,45	1,41
Возраст:							
11–29 лет	1,18	1,22	1,29	1,36	1,26	1,33	1,27
30 лет и старше	1,18	1,18	1,15	1,17	1,06	1,15	1,15
По массиву в целом	1,18	1,20	1,22	1,26	1,16	1,24	1,21

Таблица 4

Показатели суицидальности в различные дни недели,
абс. числа и %

Дни недели	Среднедневное число всех суицидальных попыток, *абс. числа*	Среднедневное число алкогольных суицидальных попыток, *абс. числа*	Удельный вес алкогольных суицидов в общем числе попыток, *%*
Понедельник	1,47	0,54	36,8
Вторник	1,45	0,57	39,3
Среда	1,41	0,54	38,6
Четверг	1,37	0,45	32,8
Пятница	1,49	0,61	41,3
Суббота	1,40	0,72	51,5
Воскресенье	1,75	0,71	40,7

Таблица 5

Показатели суицидальности мужчин и женщин в различные дни недели, *абс. числа*

Дни недели	Среднедневное число всех суицидальных попыток		Среднедневное число алкогольных суицидальных попыток	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Понедельник	0,74	0,73	0,32	0,22
Вторник	0,78	0,66	0,37	0,19
Среда	0,72	0,69	0,29	0,26
Четверг	0,62	0,75	0,22	0,23
Пятница	0,85	0,64	0,39	0,23
Суббота	0,73	0,67	0,43	0,29
Воскресенье	0,77	0,98	0,36	0,35

Таблица 6

Показатели суицидальности в праздничные и обычные дни в различных возрастных когортах, *абс. числа и коэффициенты*

Дни	Среднедневное число покушений на самоубийство			Индекс «праздничной сверхсуицидальности»		
	Молодежь	Старшие возрастные группы	Весь массив	Молодежь	Старшие возрастные группы	Весь массив
Праздничные	0,89	0,96	1,86	1,187	1,352	1,274
Обычные	0,75	0,71	1,46			

Таблица 7

Показатели суицидальности в праздничные и обычные дни в разных гендерных группах, *абс. числа и коэффициенты*

Дни	Среднедневное число покушений на самоубийство			Индекс «праздничной сверхсуицидальности»		
	Мужчины	Женщины	Весь массив	Мужчины	Женщины	Весь массив
Праздничные	1,07	0,79	1,86	1,466	1,082	1,274
Обычные	0,73	0,73	1,46			

Таблица 8

Показатели алкогольной суицидальности в праздничные и обычные дни в различных возрастных когортах, *абс. числа и коэффициенты*

Дни	Среднедневное число алкогольных самопокушений			Индекс «праздничной алкогольной сверхсуицидальности»		
	Молодежь	Старшие возрастные группы	Весь массив	Молодежь	Старшие возрастные группы	Весь массив
Праздничные	0,43	0,50	0,93	1,387	1,852	1,603
Обычные	0,31	0,27	0,58			

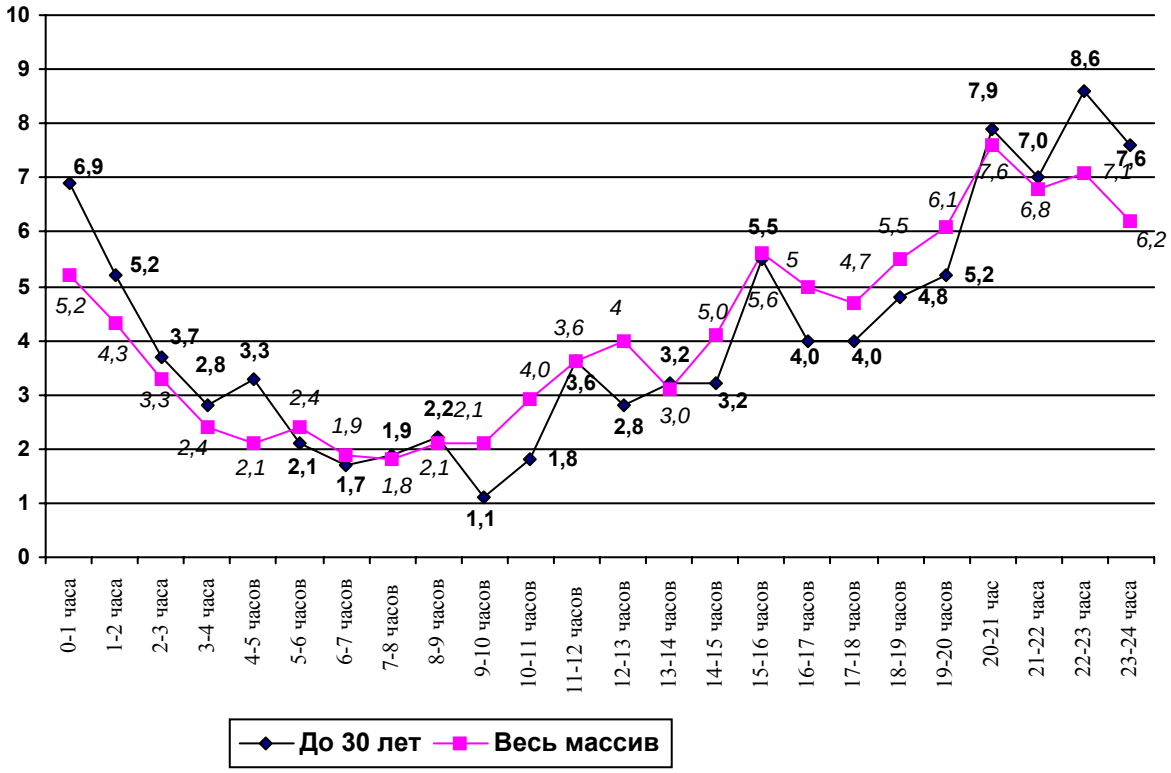

Рис. 2. Распределение незавершенных самоубийств в зависимости от времени суток в молодежной когорте и по массиву в целом, *%*

Аннотация

А.Ю. Мягков

Темпоральные характеристики самоубийств: опыт эмпирического изучения

В статье анализируются темпоральные вариации незавершенных самоубийств в зависимости от времени суток, дня недели, декады месяца, сезона и других временных параметров. На материалах медицинской статистики Ивановской городской станции «Скорой помощи» за 2000–2002 гг. показано, что интенсивность суицидальных покушений достигает максимальных значений в вечернее и раннее ночное время, в воскресные и праздничные дни, в последней десятидневке месяца, а также в весенне-летний период. Выявлена опосредующая роль демографических характеристик суицидентов и алкогольной переменной в дифференциации уровней суицидальности в разные периоды времени. Обосновывается социогенный характер временной цикличности самоубийств.

Alexander Myagkov

Temporal characteristics of suicide: An experience of empirical study

Сведения об авторе

Мягков Александр Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета.

Дом. адрес: 153000 г. Иваново, ул. Ташкентская, д.14, кв.89.
Тел: (0932) 30-99-66.

Служебный адрес: 153003 г. Иваново, ул. Рабфаковская, д.34. ИГЭУ
Тел.: (0932) 38-57-69. Факс: (0932) 38-57-01.

Дата рождения: 17.08.1954 г.

Паспорт: 24 01 182611 выдан 18 июня 2001 г.
Фрунзенским РОВД г. Иванова.

Страховое пенсионное свидетельство: № 044–645–960-74.

Лицевой счет: № 42301810517021181465 в филиале Ленинского отделения сберегательного банка г. Иванова (№ 10/0181).